

- співіснування твердження щодо класової непримиренності Маркса і контрверсійного твердження щодо нього як гуманіста;

- контрверсійні визнання марксизму в економічній науці переважно ученням історичного минулого чи, навпаки, – історичного майбутнього.

У цьому стислому наративі ми далекі від того, щоб вичерпати увесь довгий перелік оціночних контрверсій, тим більше ставати на бік якоїсь з них, обстоюючи її правоту, враховуючи, що в умовах постмодерну будь-які оціночні підходи набувають ще більшої неоднозначності та плюралістичності. Залишаємо це захоплююче інтелектуальне заняття за читачем!

1. Ананьин О. Карл Маркс и его «Капитал»: из девятнадцатого в двадцать первый век // Вопросы экономики. – 2007. – № 9. – С. 72–86.

2. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: ГелиосАРВ, 2002. – 352 с.

3. Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. – М.: Таурус, 1995. – 330 с.; За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. – М.: Academia: Наука. – 1998. – 639 с.

4. Гальчинський А. Маркс и современный мир: Гуманистическая доминанта. – К.: Либідь. – 2015. – 328 с.

Тарасевич Віктор Миколайович

*д.е.н., професор, завідувач кафедри політичної економії
Національної металургійної академії України*

К. МАРКС: У ИСТОКОВ ФИЛОСОФИИ НАУЧНОЙ КРИТИКИ

Подзаголовок главного труда К. Маркса «Капитал» гласит «Критика политической экономии» отнюдь не случаен.

Величественное здание непревзойденной теории капиталистического способа производства зиждется на мощном фундаменте критического осмысления тысяч трудов предшественников. Именно К. Маркс заложил основы философии научной критики и предвосхитил ее многие современные положения. Акцентируем лишь некоторые из них.

Критика – естественное состояние науки. Некритическая наука – недопустимый оксюморон. Вместе с критикой наука рождается, существует и умирает. Даже положительный (не полемический) научный дискурс критичен, прежде всего, по отношению к самому себе, поскольку пробивает дорогу сквозь нагромождение «белых пятен», сомнений, догадок. Речь идет о критике, как отрицании – «снятии» ее объекта, «процедуре открытия»¹, творении нового научного знания, синергии диалектического и метафизического инструментария. Критику следует отличать от иных, «околокритических» феноменов. Отличительной чертой ненаучной критики является использование ненаучных средств, инструментария, псевдонаучной критики – следование ненаучным целям, в критиканстве доминирует критика ради критики с политико–идеологическим подтекстом. Весьма распространенным является отождествление критики, как сложного научного феномена, с одной из ее элементарных составляющих – *формально-логическим отрицанием* критикуемого объекта. Последнее выполняет важную функцию исходного дистанцирования критикующего от критикуемого², позиционирования критикующим себя по отношению к критикуемому как к потенциально неверному иному. Но, будучи абсолютизированным (в данном случае не важно, по каким причинам), подобное отрицание делает неуместными и невозможными дальнейшие необходимые критически –

¹ Это словосочетание Ф. Хайек употреблял в отношении конкуренции (См.: Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // МЭМО. – 1989. – №12. – С. 5). На мой взгляд, оно вполне приложимо и к критике, как одной из форм научной конкуренции.

² Здесь и далее под критикующим и критикуемым подразумеваются либо ученый как носитель соответствующих процесса и результатов (идей, концепций, теорий, гипотез, учений, систем, парадигм и т.п.) научной деятельности, либо самые процесс и результаты научной деятельности.

творческие шаги. В таком духе, как известно, была выдержана официозная критика буржуазных экономических теорий. Объектом подобной критики стал в 90-е годы прошлого века и марксизм.

Следует различать критику абсолютную и относительную. *Абсолютная* критика безусловна и безотносительна, а, следовательно, – преимущественно банальна. Она не предполагает жесткого соответствия критикующего и критикуемого, поскольку ее результат практически предопределен вне зависимости от степени указанного соответствия. Такова, к примеру, критика идеи Платона о необходимом отсутствии всякой собственности у философов и стражей (воинов), или критика отождествления богатства с деньгами у меркантилистов. Результаты абсолютной критики небезосновательно ассоциируются с *абсолютными истинами*. Последние могут представлять собой либо простейшие банальности, адекватные неразвитым формам первой, либо сверхсложные научные конструкции, перспективы возведения которых весьма туманны. Тем более значимыми на этом фоне представляются более скромные результаты *относительной*, условной критики.

Относительная критика многолика. Могут критиковаться: а) результат научной деятельности – с позиций иного результата; б) результат – с позиций процесса научной деятельности, обусловленного методами, приемами, познавательными технологиями и инструментарием; в) процесс – с позиций результата. Обязательной является *самокритика* результата, процесса, а также критики. Поэтому важно хорошо представлять, какой именно вид критики берется на вооружение, присущие ему условия, ограничения и пределы.

Например, критика теории с позиций какой-либо идеи изначально задана содержанием последней и, в известном смысле, ограничена. В то же время, она (критика) может быть связана с поиском идей адекватного себе научного пространства, с попытками самоутверждения и развития в диалоге с более сложными научными результатами, то есть выхода за изначальные ограничения. Критика идеи с позиций той или иной теории, по всей видимости, исходит, прежде всего,

не из самооценности первой, а из желания «примерить» ее к «жесткому ядру» или «оболочке» теории с тем, чтобы либо отвергнуть, либо ассимилировать.

Критическое столкновение альтернативных теорий, таких, например, как теория трудовой стоимости и теория предельной полезности, может порождать различные результаты: 1) сохранение и укрепление «чистоты» основ посредством взаимного неприятия и «разгрома»; 2) ассимиляция отдельных идей, подходов; 3) попытки синтеза базовых положений, подобные предпринятой М.Туган-Барановским. Очевидные различия указанных результатов, особенно первого и третьего, наводят на мысль о неоднородности относительной критики, правомерности выделения ее текстуальной и контекстуальной составляющих.

Текстуальная критика ограничивается *непосредственным* содержанием, «текстом» критикующего и критикуемого. Она свободна, изолирована от контекстов, в которых неизбежно пребывают и то, и другое³. *Контекстуальная* критика более сложна и плодотворна. Прежде всего, разнообразны сами контексты⁴. Наиболее значимы – гносеологический, онтологический, аксиологический. Вполне возможны, а зачастую просто необходимы их коммуникативные сочетания. Затем, в каждом из контекстов возможно выделение особых составляющих. К примеру, в *гносеологическом* контексте в качестве таковых могут считаться результатная и процессуальная.

Та или иная теория, будучи помещенной в контекст соответствующей ей научной системы или парадигмы, как более сложных *результатов* научной деятельности, обретае

³ Разумеется, она предполагает *точное* следование критикуемому тексту, его *точное* воспроизведение.

⁴ Понятие контекста изначально сформировалось в теории языка и лингвистике. Здесь он предстает как значимое окружение языкового знака, средство объяснения, многообразие отношений текста (См.: Касавин И. Проблема и контекст. О природе философской рефлексии // Вопросы философии. – 2004. – №11. – С. 25-27). Если попытаться обобщить указанные характеристики, придав им необходимый элемент динамизма, получим один из вариантов *общенаучного* определения, а именно: *контекст суть темпоральное пространство текста*. В дальнейшем мы будем опираться именно на это определение.

контекстуальное содержание, которое, как правило, значительно богаче содержания сугубо *текстуального*⁵. Вероятно, первое может быть и беднее последнего, но, как правило, они не идентичны. Чтобы остаться на высоте положения, результатная критика соответствующим образом изменить свои рамки и инструментарий. Очевидно, упомянутая попытка М. Туган-Барановского синтезировать теории трудовой стоимости и предельной полезности является непосредственным следствием именно такой критики.

Онтологический контекст критики, как правило, не ставится под сомнение. Однако тот или иной научный результат критикуется преимущественно «в первозданном виде», с позиций реалий, современных не критикуемому, а критикующему. Разумеется, такая критика не бесполезна, хотя и не совсем корректна. Точно так же, как любой научный результат является адекватным вполне определенным условиям, научная критика может быть корректной, если исходит из этих же условий. Вместе с тем, интересной представляется позитивная критика на основе определенной научной *реконструкции*. Речь идет о попытке поместить критикуемое в контекст *современных* реалий и проследить его неизбежные модификации, то есть представить дело таким образом, что критикуемый научный результат изначально появляется в современных условиях и соответственно им должен быть определен.

В таком случае, например, логично следующая из теории трудовой стоимости базовая теория прибавочной стоимости окажется модифицированной по крайней мере в том смысле, что собственно эксплуататорская составляющая прибавочной стоимости и ее превращенной формы – прибыли окажется не

⁵ Здесь вполне уместны определенные аналогии с известным положением Л. Выготского: «Из контекстов, в которых введено слово, оно черпает интеллектуальное и аффективное содержание и означает то меньше, то больше по сравнению с его значением, если мы его рассматриваем изолированно и вне контекста. Больше, если круг его значения расширяется, наполняется новым содержанием, меньше, если абстрактное значение слова ограничивается только данным контекстом. С этой точки зрения, смысл слова неисчерпаем, слово обретает значение только в предложении, предложение – в контексте абзаца, абзац – в контексте книги, книга – в контексте всех трудов автора» (цит. по: Вопросы философии. – 2004. – №7. – С. 12).

столь впечатляющей. Вряд ли непосредственно эксплуататорской можно считать часть прибыли, которая направляется в государственный или местные бюджеты, на благотворительные цели, на выплаты дивидендов работникам – владельцам акций, перераспределяется в рамках системы участия наемных работников в прибыли, в том числе и самого предпринимателя, как наемного работника. В то же время констатация абсолютной ошибочности теории прибавочной стоимости должна быть подкреплена не только и не столько обращением к ортодоксальной теории факторов производства, но и убедительным обоснованием некорректности ее выведения К.Марксом из теории трудовой стоимости.

Поскольку каждый научный результат прямо или косвенно, в большей или меньшей мере выражает интересы той или иной социальной группы, постольку в нем в той или иной форме воплощены имманентные последней ценностные установки или ценности, как предельные нормативные основания⁶ ее жизнедеятельности. Поэтому вне аксиологического контекста, без адекватного понимания указанных ценностей критика может оказаться не полной и не продуктивной. Очевидно, необходимыми условиями такого понимания являются, *во-первых*, сопоставление 1) особых, групповых ценностей критикующего и критикуемого с общечеловеческими ценностями; 2) групповых ценностей критикующего и критикуемого между собой; *во-вторых*, анализ корректности коэволюции ценностных установок, их взаимопереходов и взаимопревращений. Например, критикуя марксизм, важно установить, каким образом в рамках его научных постулатов возможна и необходима трансформация ценностей трудящихся в процессе перехода из царства необходимости через эпоху диктатуры пролетариата в царство свободы; *в-третьих*, оценка степени имманентности групповых ценностных установок и соответствующих научных результатов.

⁶ См.: Столович Л. Об общечеловеческих ценностях // Вопросы философии. – 2004. – №7. – С. 88.

Например, уже сама постановка вопроса о соответствии базовых ценностей либерализма, с одной стороны, и его научной программы, – с другой, обнажает противоречие между свободой *личности*, как ценностью, и рациональным поведением *homo oeconomicus*, как ключевой научной проблемой. Отсюда неизбежен вывод: если либерализм не хочет ограничить себя присущими *homo oeconomicus* принципами утилитаризма и гедонизма, он должен значительно очеловечить, «оличностить» свою научную программу. В этом смысле вполне уместно его сближение с институционализмом и марксизмом. В общем же случае, степень имманентности ценностных установок и научных результатов, вероятно, пропорциональна уровню качества и зрелости последних. Разумеется, здесь не принимаются во внимание случаи научной недобросовестности, попытки прикрыть сомнительные научные результаты «вуалью» бесспорных ценностей и истин.

На мой взгляд, практика использования ценностных суждений в качестве аргументов в научном споре требует серьезного осмысления. Например, является ли вполне корректной критика *научных* позиций критикуемого с высот *ценностных* установок критикующего? Очевидно не вполне, поскольку перед нами – разнокачественные феномены. Научный результат является итогом *научной деятельности*, а ценностные установки суть «командные высоты» мировоззрения, которое вызывает в процессе *жизнедеятельности*, и в котором наука – всего лишь одна из составляющих, хотя и чрезвычайно важная. Так, непосредственная критика тоталитарной экономики с позиций принципа свободы личности явно недостаточна для понимания соответствия или несоответствия ее научных оснований марксистскому учению. Точно так же критика либерализма и неоклассики с позиций принципа социальной справедливости вряд ли способна поколебать их научные постулаты. Подобное «столкновение» различных контекстов критики неизбежно. Поэтому одной из задач, которая встает перед критикующим, является поиск их оптимального сочетания.

Упомянутая проблема соотношения в критике ценностного, онтологического и собственно научного начал

является частным случаем более общей многогранной проблемы адекватной критики. Прежде всего, речь идет о соответствии критикующего и критикуемого. Так, необходимым условием адекватности *текстуальной* критики является текстуальность и критикующего, и критикуемого. Критика становится *контекстуальной*, если: 1) критикующее текстуально, а критикуемое контекстуально; 2) критикующее контекстуально, а критикуемое текстуально; 3) критикующее и критикуемое контекстуальны. В первых двух случаях очевидна неадекватность контрагентов критики. Она вполне допустима, но при условии осознания и учета налагаемых ею неизбежных ограничений на процесс и результаты критики.

Достаточно простое решение проблемы адекватности критики характерно для декартовой традиции перспективизма. Имманентная ей мифологема *буквальности значения* предполагает, что каждый текст (контекст) имеет одно и только одно инвариантное значение, находящееся в самом тексте (контексте), и, следовательно, у каждого текста (контекста) есть только одна правильная, истинная интерпретация⁷. На поверку оказывается, что в большинстве случаев критикующий имеет дело с *не осмысленной* интерпретацией критикуемого. Не осмысленной в том смысле, что иные интерпретации либо не осознаются, либо не принимаются в расчет по соображениям не всегда научным, а сама эта интерпретация далеко не всегда оценивается на предмет адекватности содержанию критикуемого. Одним словом, буквализм и однозначность существенно ограничивают, а то и исключают *научную* интерпретацию. Между тем, она необходима – и объективно, и субъективно.

Объективная необходимость интерпретации текстов коренится в их неполноте, незавершенности и многозначности, в существовании скрытых довербальных и дорефлексивных феноменов, не явных идей и предрассудков⁸, в самом существовании описываемой в них реальности –

⁷ См.: Специфика философской интерпретации. Обзор // Вопросы философии. – 1999. – №11. – С. 43.

⁸ См.: Микешина Л. Специфика философской интерпретации // Вопросы философии. – 1999. – №11. – С. 4-5.

противоречивой и ускользающей. Даже из одной точки она может видаться по-разному, что в неявной форме запечатлевается в тексте и контексте. Субъективная необходимость интерпретации определяется не столько объективностью самого субъекта, сколько его творческой деятельностью, сомнениями и поисками. Следовательно, интерпретация критикуемого должна стать необходимой предпосылкой и «спутником» научной критики. Критикующий неизбежно сталкивается с императивом овладения основными приемами *герменевтики*, как искусства и теории истолкования текстов⁹ и контекстов, нахождения позиции «между чуждостью и близостью»¹⁰ (Х.-Г. Гадамер) к критикуемому.

Критикуемые контексты, тексты, отдельные умозаключения, предложения и даже слова *многозначны*, а потому открыты для *множества интерпретаций*. Задача критикующего усложняется: нужно не только представить свою собственную интерпретацию критикуемого, но и сравнить ее с иными интерпретациями, осуществить осознанный выбор наиболее адекватной. Каждая интерпретация предполагает: 1) истолкование *явного*, непосредственно данного содержания критикуемого; 2) выявление и осмысление его *не явных, скрытых* элементов. «Решающим должно быть... то, что через сказанное открывается как еще не сказанное» (М. Хайдеггер)¹¹; 3) выяснение взаимного влияния и соответствия явного и не явного и следующих отсюда уточнений в целостном образе критикуемого. Отсутствие хотя бы одной из указанных составляющих или их не полная реализация чревато заметным обеднением интерпретации или серьезными сомнениями в ее адекватности.

Достаточно полная и адекватная интерпретация предполагает выяснение *точного авторского смысла* текста и контекста. «Чтобы избежать регресс в «дурную бесконечность» толкования смыслов... текста, необходимо восстановить и сохранять роль автора как определителя значений и смыслов

⁹ См.: Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 119.

¹⁰ См.: Специфика философской интерпретации. Обзор // Вопросы философии. – 1999. – №11. – С. 48.

¹¹ См.: Микешина Л. Указ. соч. – С. 9.

текста из своего «единственного места» в мире. Изгнание автора, пренебрежение заданными им смыслами означает утрату главного нормативного принципа – прежде всего текст «значит» то, что «значит» (имеет в виду) автор. Доверие автору, соблюдение по отношению к его тексту не только семантических, эпистемологических, но и моральных норм – вот кардинальные условия корректности и обоснованности в работе интерпретатора...»¹². Адекватное отражение авторского смысла текста (контекста), выяснение и сохранение роли автора невозможно вне *понимания его как личности, индивидуальности*, может быть, в большей степени, чем он сам понимает себя. В соответствии с *герменевтическим методом* Л.Шестова, роль «перводвигателя» творческой активности личности играют не всегда полностью осознаваемые ею доразумные непосредственные переживания, восприятия и ощущения. Поэтому важно обнаружить скрытые психологические мотивы автора текста, соотнести «сознательные» элементы текста с досознательно-эмоциональным фоном, определить степень их адекватности реальным внутренним переживаниям мыслителя и истолковать текст в связи с этими последними. Необходим равноправный диалог с текстом и автором, диалог, в котором автор и текст «обретают голос в своей истине»¹³. Вероятно, ученым – экономистам предстоит настойчиво овладевать указанным подходом.

Одним словом, к оценке творчества неординарных личностей, будь-то А. Смит или К.Маркс, А.Маршалл или Дж.М.Кейнс, недопустимо подходить с какой-либо одной меркой¹⁴. Последнее обстоятельство налагает вполне определенные обязательства на критикующего субъекта. Очевидно, его личные качества оказывают влияние на характер и содержание интерпретации. Однако оставим в стороне рассуждения о том, должны ли масштабы его личности быть соразмерными масштабам личности автора критикуемого.

¹² Микешина Л. Указ. соч. – С. 8.

¹³ См.: Специфика философской интерпретации. Обзор // Вопросы философии. – 1999. – №11. – С. 47.

¹⁴ И в такой оценке не может быть мелочей. Поэтому нельзя пренебрегать и сопоставлением цитат, и рассуждениями о мыслях автора, и не только перед его смертью, и тем, что написано, но не опубликовано самим автором, и эволюцией взглядов его последователей и т.д.

Заметим лишь, что на интерпретацию критикующим критикуемого решающее влияние должны оказывать не ее политическая «актуальность», «оплатоёмкость» или степень околонушной новомодности, а служение истине ради нее самой, научная беспристрастность и последовательность.

Следование перечисленным установкам отнюдь не исключает многообразия интерпретаций (различные интерпретации может иметь один и тот же текст и вне контекста, и в каждом из многочисленных контекстов; по-разному может быть интерпретирован и каждый данный контекст; возможны и различные интерпретации каждой данной интерпретации), а потому предполагает *многовариантность*, «*многоканальность*» критики. В то же время оно способствует обоснованному *выбору* оптимальной интерпретации и соответствующего вида (сочетания различных видов) ее критики. Но, даже будучи успешно реализованными, эти варианты интерпретации и критики не завершают *процесс* критики хотя бы потому, что поиск и истолкование подлинного смысла текста (контекста) не имеет научных границ. Идеи рождаются, рожают новые идеи и не умирают. Своим бессмертием и новыми жизнями они во многом обязаны именно критике.

Зайцев Юрій Кузьмич

*д.е.н., професор, професор кафедри політичної економії
ДВНЗ «Київський національний економічний
університет імені Вадима Гетьмана»*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНА СПАДЩИНА МАРКСИЗМУ У ПРЕДМЕТНОМУ ПОЛІ СУЧАСНОЇ ПОЛІТИЧНОЇ ЕКОНОМІЇ – ПРИЧИНИ, ФОРМИ ТА ЕФЕКТИВНІСТЬ ВИКОРИСТАННЯ

У своїй праці «Десять великих экономистов от Макрса до Кейнса» (1951) Йозеф Шумпетер писав: «Породження інтелекту чи фантазії у більшості випадків завершують своє існування